

terminologii. – Baku : Jelm, 2007. – S. 38–46.

3. Koduhov V. I. Vvedenie v jazykoznanie. – M. : Prosveshhenie, 1987. – 286 s.

4. Larin B. A. O lingvisticheskoj karakteristike goroda. Istorija sovetskogo jazykoznanija. Hrestomatija. – M., 1988.

5. Shanskij N. A. Leksikologija sovremennogo russkogo jazyka. – M., 1978.

6. Sadygova S. Zaimstvovannye terminy i process ih osvoenija, teoreticheskie problemy jazykovedenija. – Baku : Jelm, 2013.

7. Zejnalov F. Osnovy tjurkologii. – Baku : Maarif, 1981. – 348 s.

8. Baskakov N. A. K probleme kitajskih zaimstvovanij v tjurkskih jazykah // Turcica et orientalia. Studies in honour Gunnar Jarring on his eightieth birthday. Swedish Research Institute Istanbul. – S. 1–8.

9. Osmanalieva B. Iranskije jelementy v tjurkskih jazykah.

10. Dybo A. V. Zaimstvovanija v slovare Mahmuda Kashgarskogo iz jazykov Sin'czjana // Rossijskaja tjurkologija. – 2009. – № 1. – S. 15–22.

11. Dzhaferoglu A. Istorija tureckogo jazyka. – Sтамбул. – Т. II.

12. Aksan D. Vse aspekty jazyka. – Ankara, 1995. – Т. I. – 568 s.

13. Mamedova A. Leksika “Kitabi Dede Korguda”. Diss. kand. f. n. – Baku, 2007. – 155 s.

14. Ushenmez E. O sodержatel'nosti slov v proizvedenijah Karahanly // Akademicheskie issledovanija. – 2008. – Т. 3. – № 1. – S. 247–253.

Gasanly-Garibova Sh., Ph.D. Candidate, Institute of Linguistics NANA (Azerbaijan, Baku), rus_rahimli@yahoo.com

Borrowed ethnographisms in Turkic languages XI–XII centuries

Brought to study borrowing the vocabulary used in the ethnographic Turkic peoples XI–XII centuries. The study determined that, in the XI–XII century ethnographic lexicon Turks used loanwords come from Sogdian, Tibetan, Chinese, Indian languages in antiquity. So, some of the words used by the Turkic peoples in XI–XII century related to food, food, beverages, textiles, medicines names, beliefs moved in Turkic languages from other languages. These borrowings are considered ethnographisms Turkic languages in the initial stages. Thus, the period of transition in their language accounts for the early period of the XI century. In general, the study widely studied have fallen from Sogdian, Tocharian, hotenskogo languages loanwords in written records associated with shamanism and Buddhism. It is noted that in terms of area language in which the word was born, prefers the word assimilation of the language is close maternal and functioning relatively far the language with the language closer to him mediator includes a new vocabulary word. From this perspective, if a language of the Eastern Turks found borrowing from Chinese, Indian, Sogdian, Khorezm languages, in subsequent periods in languages tribes living west of the Oghuz, Kipchak meet Arab–Persian borrowing.

Keywords: Turkic languages, ethnographisms, Turkic peoples.

Гасанлі–Гарібова Ш., докторант, Інститут мовознавства НАН Азербайджану (Азербайджан, Баку), rus_rahimli@yahoo.com

Запозичені етнографізми в тюркських мовах XI–XII століть

Залучено до дослідження запозичення які використовуються в етнографічній лексичній тюркських народів XI–XII століть. У дослідженні визначається, що, в XI–XII столітті в етнографічній лексичній тюркських народів використовувалися запозичені слова які прийшли з согдійської, тибетської, китайської, індійської мов в давнину. Так, деякі слова використовувалися тюркськими народами в XI–XII столітті пов'язані з продуктами харчування, їжею, напоями, тканинами, назвами ліків, віруваннями перейшли в тюркські мови з інших мов. Ці етнографізми вважаються запозиченнями тюркських мов на початкових етапах. Так, період їх переходу в мову припадає на ранній період XI століття. В цілому, в дослідженні широко досліджуються запозичені слова в письмових пам'ятках пов'язаних з шаманізмом і буддизмом що перейшли з согдійської, тохарської, хотенської мов. Відзначається, що з точки зору ареалу мови, в якому народилося слово, воліє засвоєння слова з близької мови саме материнської, а відносно далеко функціонуюча мова за допомогою більш близької їй мови посередника включає в свій словниковий запас нове слово. З цієї точки зору якщо в мові східних тюркських народів зустрічаються запозичення з китайської, індійської, согдійської, хорезмської мов, то в наступні періоди в мовах племен Огуз, кипчаків, які проживають західніше, зустрічаються араб–фарсідські запозичення.

Ключові слова: тюркські мови, етнографія, тюркські народи.

* * *

УДК 81

Гасанов А. Ш.,

доктор философии по философии,
старший научный работник отделения социальной философии, Институт философии и права Национальной академии наук Азербайджана (Азербайджан, Баку), matlabm@yandex.com

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ПРОЦЕСС МОДЕРНИЗАЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Одной из важных характеристик современной эпохи является кризис традиционных ценностей, который проявляется, в частности, в утрате обществом единства в понимании ценностей, а также в определенном их смещении. Процессы коренных изменений традиционных ценностей и норм свидетельствуют о существенных культурных сдвигах в обществе. Эти сдвиги во многом связаны со сдвигом от материалистических (где на первом месте выступают вопросы экономической и физической безопасности) к постматериальным ценностям (превалирование вопросов самовыражения и качества жизни).

Ключевые слова: модернизация, традиционные ценности, материальные ценности, постматериальные ценности, качества жизни.

(статья друкється мовою оригіналу)

Сегодня Азербайджан, говоря словами Аренда Лейпхарта, напоминает “многосоставное общество”, фрагментированный социум, который находится между двумя полюсами – модернизацией и традиционностью. В этом контексте вопросы укрепления национальной самобытности и гармоничного слияния с современными социокультурными процессами в мире занимают особое место в обсуждении процессов модернизации в азербайджанском гуманитарном дискурсе.

Культура и сознание могут завоевать успех в случае их направленности в сторону активизации и развития человеческого потенциала, материального и морального благосостояния, духовного и интеллектуального здоровья народа. В этом процессе важную роль должны сыграть носители личной сознательности и, как отмечает С. Лурье, они должны иметь возможность влиять на ценностные ориентации других членов общества [2, с. 14]. Они должны определить, какие традиционные ценности имеют ведущее значение для азербайджанцев, и какое из них может иметь определяющее значение для эффективного слияния с либеральной культурой. Задачей же интеллигенции является выбор и пропаганда принципов и ценностей, которые могут являться наименее конфликтными, помочь разрешению актуальных социальных, экономических и других проблем. Перепроверка ценностей возможна только на основе конфликта ценностей и интересов, и определения дальнейших перспектив развития.

В современном Азербайджане в связи с модернизацией основной реформ можно считать желание принять большинством граждан западных ценностей в политической жизни, в деловых отношениях, образовании и в других сферах. Однако все это является внешними сторонами западной жизни, что может привести к неправильному пониманию сущности модернизации. Отсюда надо стараться, чтобы либеральные реформы привели к либерализации не только экономического и политического, но и общественного сознания. В то же время надо стараться, чтобы индивидуальная свобода не привела к нигилистическому отношению к обществу, праву и моральным основам [3, с. 44–45].

Ценности – это базовые аттитюды человека, конструирующие идентичность. Их можно разделить на индивидуальные, которые интегрируют поведение и пе-

реживания отдельного человека, придают им целостность, и на групповые, которые функционируют как правила социального взаимодействия, определяющие поведение в общении двух и более людей и придающие единство взаимным действиям этих людей. Ценности создают идентичность индивида или группы [4, с. 59].

Одной из важных характеристик современной эпохи является кризис традиционных ценностей, который проявляется, в частности, в утрате обществом единства в понимании ценностей, а также в определенном их смещении. За последние годы произошло резкое изменение и социальных норм: то, что считалось совершенно неприемлемым в азербайджанском обществе несколько десятков лет тому назад, воспринимается сегодня в порядке вещей. Такие процессы свидетельствуют о существенных культурных сдвигах. Эти сдвиги во многом связаны со сдвигом от материалистических (где на первом месте выступают вопросы экономической и физической безопасности) к постматериальным ценностям (превалирование вопросов самовыражения и качества жизни).

Следует отметить, что социокультурные изменения касаются всех сторон и сфер общественной жизни. Так, межличностные отношения приобретают форму “чистой связи” (Э. Гидденс), стремительно высвобождаясь от таких внешних факторов, как кланово-патриархальные, экономические и т.д. Как отмечает Роберт Патнэм, “сильные” межличностные связи (типа семейно-родственных и интимно-дружеских) менее важны, чем “слабые” связи (типа знакомства или членства во вторичных группах), которые, в свою очередь, сплачивают общину и интенсифицируют коллективное действие [5, с. 175].

Достаточно сильные семейно-родственные отношения – причина отсутствия широкого, обобщенного социального доверия за пределами семьи. Важной особенностью “чистой связи” выступают такие качества, как самодостаточность, взаимная лояльность, доверие и преданность индивидов. Сегодня жизнь превратилась также в цепь бесконечных кризисов (например, материально-финансовых, социальных, межличностных и т.д.), которые становятся нормой общественной жизни. В результате возникает всеобщий “климат неопределенности”, который не может не повлиять на идентичность субъекта [6, с. 18].

Э. Гидденс, обращая внимание на эту проблему, в своей книге “Современность и самоидентичность” выделяет ряд дилемм самоидентичности в условиях глобализации и предлагает концепцию самоактуализации личности [7, с. 187–201]. Гидденс говорит о двух типах человека: 1) традиционалистском человеке, который конструирует самоидентичность на основе общепринятых характеристик, “действующих как фильтр, через который различные социальные окружающие реагируют на него или интерпретируют его” и 2) адаптивном человеке, который, интериоризируя предложенные обществом культурные образцы, старается умело вписаться в окружающую среду, стать таким, как все другие [7, с. 190].

По мнению Гидденса, Ю. Бэка и других исследователей, сегодня самореализация человека часто осуществляется посредством рынка, который представляет собственные стили жизни: успешно сформированный

имидж выступает показателем благополучного потребления. Отсюда получается, что потребление само по себе заменяет самовыражение, а имидж – человеческую сущность. Как считает Гидденс, в условиях глобализации исключительную роль в демонстрации образа жизни для подражания играют также СМИ. Однако такое навязывание имиджа сталкивается с сопротивлением со стороны индивида, стремящегося к индивидуализации. Вместе с тем у человека, стремящегося к чрезмерному отличию от других, нет шансов на развитие самоидентичности, т.к. его идентичность представляет собой жесткую унифицированную маску. Отсюда индивиду нельзя отклоняться от общепринятых форм потребления.

Чувство собственной уникальности и личный жизненный опыт также имеют болезненные стороны. В таких условиях и создается стратегия поведения индивида, его “самоактуализация в рефлексивно упорядоченной среде”. Далее, в политической области изменяется отношение к политической власти: авторитарный, административно-командный стиль управления все больше теряет уважение в обществе, а вместе этого, хотя и медленно, но уверенно усиливается акцент на участии и самовыражении. Эта тенденция способствует развитию демократии в направлении большей партиципаторности, ориентированности на конкретные проблемы [8, с. 29–32].

В экономической области экзистенциальная безопасность привела к усилению акцента на субъективном благополучии и качестве жизни, становящихся для многих более высокими приоритетами, чем экономический рост. Стержневые цели модернизации и экономического роста, хотя по-прежнему остаются в ценностном смысле положительными, но их относительная значимость снижается. Сегодня развивающийся в стране фактически номенклатурный капитализм привел к поляризации общества – росту пропасти между богатыми и бедными, усилению социальной напряженности. Те меры, которые предпринимаются государством в данном направлении по её снижению не дают, да и не могут дать свои плоды: чиновники сами являются распорядителями и главными потребителями благ, которые подлежат распределению в обществе.

Слабое развитие среднего класса, банковский “кредитный бум” (обратной стороной чего является увеличение долгов и продолжительная зависимость от банков), большой разрыв в отношениях между потребительскими товарами и реальной зарплатой граждан и т.д. ясно демонстрируют, что социальное государство, или государство всеобщего благоденствия для Азербайджана – это все еще мечта. Отсюда важным делом выступает создание в стране равного социально-экономического и политико-культурного условий для самоактуализации всех граждан [9, с. 44–55].

В области сексуального поведения, репродуктивности и семьи имеет место продолжающаяся длительная тенденция отхода от тех жестких норм, которые в прошлом представляли собой функциональную необходимость. В последнее время некоторые из функций семьи утратили свое прежнее значение. Сегодня, хотя семейные отношения все еще важны, это уже не те отношения, в которых решается вопрос жизни и смерти.

Сексуальное поведение в модернизирующемся Азербайджане также потерпело существенное изменение. Доказательством тому служит увеличение числа разводов: за последние годы, согласно статистике, разводом в стране заканчивается каждый десятый брак, что для Азербайджана вообще является сравнительно большим показателем. Уменьшение количества детей в семьях до одного или двух детей, роста количества заключаемых гражданских браков или “гостевых браков” и т.д. все шире распространяется в обществе. Например, причины малого количества детей в азербайджанской семье социологи объясняют следующими причинами: 1) процессы урбанизации, и как следствие этого уменьшение разницы между городом и провинцией; 2) финансовые трудности и дороговизна медицинских услуг; 3) мировой процесс роста цен и как следствие этого, рост расходов на поддержание необходимого уровня жизни; 4) желание молодых пар выглядеть современными [10] и т.д.

Естественно, все эти и другие причины вытекают из тех необратимых процессов, которые сегодня происходят в азербайджанском обществе. Семья испытывает сильное влияние современных СМИ, социальных сетей, новых экономических отношений и т.д.

В области высших ценностной, коим мы относим национальную идею, религиозные нормы и т.д. также произошли серьезные изменения. Реальные национальные ценности могут быть представлены только деятельностью самого человека, направленной на утверждение во всех сферах человеческой активности и общих национальных духовных принципов. Как часть общечеловеческих ценностей, национальные ценности выступают мерой развития самой нации, хранительницей положительного опыта в форме ценностей и рекомендаций человеческого поведения, являются самостоятельным фактором жизни индивида и этноса. От ее уровня зависит реальное функционирование общественных отношений. Специфика национальных ценностей определяется в первую очередь их способностью выполнять роль нормативного оценивания общественного сознания и соответствующих идеологических общественных отношений. Каждое проявление национальных ценностей несет в себе нормативность, характеризующую культуру как нации в целом, так и отдельной личности.

Национальная идея – главный детерминант выживания нации, потребность и гарантия сохранения своеобразия народа и его специфического развития. Понятие “национальная идея” в научных трудах определяется как цель и смысл бытия данного этноса – народа, нации в настоящем и будущем, с учетом прошлого исторического опыта и опыта других народов.

Национальная идея, как стратегия выживания, процветания и развития в настоящем и будущем, объединяет народ независимо от личных убеждений и идеологий различных группировок – партий и движений, легитимности которых определяется соответствием их деятельности целям нации, сформулированным в национальной идее, выражающей волю большей части народа – титульной нации. Нация не может существовать длительное время без национальной идеи – лишенная такого ориентира интеллектуальная элита и власть неизбежно заведут народ в тупик. Такой идеей современного Азер-

байджана выступает идеология азербайджанства, призванная объединять всю нацию на основе их гражданской принадлежности.

Неоконсервативная идеологическая система – идеология азербайджанства определяет приоритеты национального развития, постижение и оценку сегодняшнего и завтрашнего дня. Эта идея, составляя симбиоз традиций и новаторства, характеризует сущность азербайджанской культуры. Однако тут существуют и проблемы. Так, идеология азербайджанства, выдвинутая для участия Азербайджана в глобализации на самом деле далека от того, чтобы считаться национальной идеологией и на её месте пока что существуют имитируемые международные и еще разработанные где-то и представленные для обсуждения стандарты. На самом деле концептуальные основы азербайджанства еще не разработаны основательно. Эта идеология пока недостаточно отражает кругозор и интересы этнических и религиозных меньшинств страны.

По мнению исследователя А. Исмаилова, с одной стороны наблюдаются попытки привести азербайджанскую реальность в соответствие с этой идеей, а с другой – превращение этой идеи в шаблон, свободной от содержания и структуры [11]. Выход же из положения заключается в согласовании демократических преобразований с культурно-историческим наследием азербайджанского народа и превращении их в результат конкретных социально-культурных условий. В то же время среди важнейших условий можно назвать согласование культурных традиций с либеральными ценностями, достижение успехов в строительстве гражданского общества и демократизации.

В религиозном отношении многие нормы претерпели изменения. Сегодня относительно религии в Азербайджане можно говорить как положительного, так и негативного. Положительными являются отход от атеистической пропаганды вместе с сохранением светских основ государственности, возрождение интереса к религии, как основам духовных ценностей народа. Кроме того следует отметить, что исламские ценности имеют большой потенциал для приведения в порядок горизонтальных отношений в обществе, преодоления авторитаризма, оставшегося в наследство от советской идеологии, патриотического воспитания молодого поколения, объединения всех народов, проживающих в стране, создания религиозной терпимости и межконфессионального консенсуса. В то же время в сложившихся условиях приобретает большую актуальность преодоление мусульманами остатков традиционного сознания, получение равной возможности для участия в политической и экономической жизни.

В культурно-цивилизационном контексте азербайджанцы считают себя частью исламской цивилизации, опирающегося на мусульманский комплекс ценностей. Несмотря на то, что Азербайджан вовлечен в процесс “исламского возрождения” со времени получения независимости, этот процесс подчинен задачам национального и государственного строительства. Такой симбиоз, несмотря на всю свою противоречивость, не создает серьезных проблем. Несмотря на нежелательность массового конфессионально-культурного фундаментализма для Азербайджана, в случае неправильного курса государственной политики нельзя отрицать и напря-

женного сценария развития событий. Сегодня Азербайджан выступает образцом толерантности, мультикультурализма и самодостаточности. Однако культура и сознание могут завоевать успех в случае их направленности в сторону активизации и развития человеческого потенциала, материального и морального благосостояния, духовного и интеллектуального здоровья народа.

Таким образом, традиционные ценности в Азербайджане переживают глубокую трансформацию, что связано с переходом от материалистических к постматериалистическим ценностям в общемировом масштабе. Только правильная политика азербайджанского государства и адекватная поддержка гражданского общества реформ способна привести к бесконфликтному укреплению и дальнейшему развитию новых ценностей.

Список использованных источников

1. Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы. – Полис. – 1992. – № 1; Лейпхарт А. Со-общественная демократия. – Полис. – 1992. – № 3. – С. 217–225.
2. Лурье С. В. Метаморфозы традиционного сознания (Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала). – СПб., 1994. – 288 с.
3. Карелова Л. Б., Чугров С. В. Глобализация. Японские интерпретации социокультурных процессов // Вопросы философии. – 2009. – № 7. – С. 44–53.
4. Schaefer R. Sociology. McGraw Hill. – Boston, 1999. – 545 s.
5. Robert D. Putnam. Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy. Princeton University Press. – Princeton, New Jersey, 1993.
6. Сосновская А. М. Журналист: личность и профессионал (психология идентичности). – СПб.: Розамира, 2005. – 206 с.
7. Giddens A. Modernity and self-identity. – Stanford, 1991. – 264 s.
8. Hasanov R. M. Social Capital, Civic Engagement and the Performance of Local Self-Government in Azerbaijan. Nationalities Papers. UK. – January 2009. – Vol. 37. – № 1. – S. 89–114.
9. Мамедзаде И. Р. Гражданское общество и национальная идеология: философия политического процесса Азербайджана. – Баку, 1995. – 76 с.
10. <http://az.trend.az/news/society/2183327.html>
11. Исмаилов А. Гейдар Алиев и идеи национального единства // Наш век. – 13–19 мая 2005.

References

1. Lejphart A. Mnogosostavnye obshhestva i demokraticheskie rezhimy. – Poliss. – 1992. – № 1; Lejphart A. So-obshhestvennaja demokratija. – Poliss. – 1992. – № 3. – S. 217–225.
2. Lur'e S. V. Metamorfozy tradicionnogo soznaniya (Opyt razrabotki teoreticheskikh osnov jetnopsihologii i ih primeneniya k analizu istoricheskogo i jetnograficheskogo materiala). – SPb., 1994. – 288 s.
3. Karelova L. B., Chugrov S. V. Globalizacija. Japonskie interpretacii sociokul'turnyh processov // Voprosy filosofii. – 2009. – № 7. – S. 44–53.
4. Schaefer R. Sociology. McGraw Hill. – Boston, 1999. – 545 s.
5. Robert D. Putnam. Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy. Princeton University Press. – Princeton, New Jersey, 1993.
6. Sosnovskaja A. M. Zhurnalist: lichnost' i professional (psihologija identichnosti). – SPb.: Rozamira, 2005. – 206 s.
7. Giddens A. Modernity and self-identity. – Stanford, 1991. – 264 s.
8. Hasanov R. M. Social Capital, Civic Engagement and the Performance of Local Self-Government in Azerbaijan. Nationalities Papers. UK. – January 2009. – Vol.37. – № 1. – S. 89–114.
9. Mamedzade I. R. Grazhdanskoe obshhestvo i nacional'naja ideologija: filosofija politicheskogo processa Azerbajdzhana. – Baku, 1995. – 76 s.
10. <http://az.trend.az/news/society/2183327.html>
11. Ismailov A. Gejdar Aliev i idei nacional'nogo edinstva// Nash vek. – 13–19 maja 2005.

Hasanov A. Sh., Ph.D. in philosophy, Senior Scientist Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy and Law Azerbaijan National Academy of Sciences (Azerbaijan, Baku), matlabm@yandex.com

Traditional values and modernization process in the Azerbaijani society

One of the important characteristics of modernity is the crisis of traditional values, which is manifested, in particular, with the loss of society the unity in understanding of values, and in particular their displacement. Process of fundamental change of traditional values and norms indicate significant cultural shifts in society. These changes are largely due to a shift from materialist (where in the first place are the issues of economic and physical security) to post-materialist values (prevalence of expression issues and quality of life).

Keywords: modernization, traditional values, wealth, post-materialist values, quality of life.

Гасанов А. Ш., доктор філософії з філософії, старший науковий працівник відділення соціальної філософії, Інститут філософії та права Національної академії наук Азербайджане (Азербайджан, Баку), matlabm@yandex.com

Традиційні цінності і процес модернізації в азербайджанському суспільстві

Однією з важливих характеристик сучасної епохи є криза традиційних цінностей, яка проявляється, зокрема, у втраті суспільством єдності в розумінні цінностей, а також у певному їх зміщенні. Процеси корінних змін традиційних цінностей і норм свідчать про істотні культурні зрушення в суспільстві. Ці зрушення багато в чому пов'язані із зсувом від матеріалістичних (де на першому місці виступають питання економічної та фізичної безпеки) до постматеріальним цінностям (превалювання питань самовираження і якості життя).

Ключові слова: модернізація, традиційні цінності, матеріальні цінності, постматеріальні цінності, якості життя.

* * *

УДК 82:801.6:82-1/-9

Йигитоглу Н. А.,
сотрудник, музей азербайджанской
литературы им. Низами Гянджеви
(Азербайджан, Баку), rus_rahimli@yahoo.com

Роль поэзии Вагифа Самедоглу в современной азербайджанской литературе

Рассматриваются главные поэтические и эстетические явления поэзии Вагифа Самедоглу. Проблема в основном раскрывается с точки зрения индивидуального стиля поэта и типологически анализируется в контексте поэзии 60–х годов XX века.

Ключевые слова: “шестидесятники”, самовыражение, творческий социум, неординарный поэтический стиль, ассоциативно-художественный уклон.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Литературное творчество шестидесятых годов XX века имеет своеобразное значение в насыщенной антологии Азербайджанской литературы.

Начиная именно с этого периода подрастающее литературное поколение в отечественной и, можно сказать, во всей советской литературе отличалось модернистскими взглядами на жизнь, новыми способами выражения и поэтическими формами. В отношении эстетической сущности художественного произведения и как новая литературная волна творчество “шестидесятников” не раз привлекалось к исследованию. Такой интерес, в первую очередь, связано с тем, что именно постоянно пульсирующая современность, свободное, отдаленное от всего канонического мышления, оригинальная образность в этих произведениях сыграла большую роль в дальнейшем формировании современного искусства. Российский литературовед, культуролог М. Н. Эпштейн, анализируя развитие языка и мысли данного периода, пишет: “В конце 50–х – начале 60–х годов преобладали слова: “искренность”, “откры-